

О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

«Вы соль земли. Если же соль потеряет силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже ни къ чему не годна, какъ развѣ выбросить ее вопъ на поирание людямъ».

Еванг. отъ Мте. V. 13.

Русская интеллигенція стоитъ на великомъ, идейномъ и волевоомъ распутии. У обрыва, у бездны пресѣклась ея прежняя дорога: нельзя идти далѣе въ томъ же направленіи. Есть лишь крутой поворотъ въ сторону, на новые, спасительные пути; и есть скользкія, обрывающіяся тропинки — на дно... Надо понять и выбрать; рѣшить и идти. Но нельзя выбирать долго: сроки коротки, а время идетъ. Или вы не слышите, какъ зоветъ Россія? Или вы не видите, какъ разворачивается и назрѣваетъ міровой кризисъ? Поймите же: Россія должна быть освобождена и очищена до того, какъ міровой кризисъ назрѣетъ и разразится!..

Не раздумье опасно, а безволие; не самоуглубленіе, а нерѣшительность. Русской интеллигенціи есть надъ чѣмъ задуматься; и безъ религіознаго и духовнаго самоуглубленія ей не найти вѣрнаго исхода. Честно и мужественно она должна сказать себѣ, что революціонное крушеніе русскаго государства есть прежде всего ея собственное крушеніе: это она вела и она привела Россію къ революціи. Одни вели сознательною волею, агитаціей и пропагандой, покушеніями и экспропріаціями. Другіе вели проповѣдью непротивленчества, опрощенія, сентиментальности и равенства. Третьи — безъидейною и мертвящею реакціонностью, умѣніемъ интриговать и давить, и неумѣніемъ воспитывать, нежеланіемъ духовно вскармливать, неспособностью зажигать свободныя сердца... Одни разносили и вливали

ядь революціи; другіе готовили для него умы: третьи не умѣли (или не хотѣли) — растить и укрѣплять духовную сопротивляемость въ народѣ . . .

Здѣсь все должно быть мужественно додумано до конца и честно выговорено. Горе упрямымъ и трусливымъ! Позоръ самодовольнымъ лицемѣрамъ! Безпристрастная исторія заклеймитъ ихъ, какъ слѣпцовъ и разрушителей. а возстановленіе Россіи будетъ обусловлено вымираніемъ ихъ поколѣнія . . .

Нынѣ русская интеллигенція или задавлена и обезсилена въ странѣ, или извергнута изъ Россіи, или погублена революціонерами. Не въ судѣ надъ нею дѣло; хотя каждый изъ насъ всегда призванъ къ суду надъ самимъ собою. Не обвинять намъ надо другъ друга: хотя прозрѣть и обновиться сможетъ лишь тотъ, кто сумѣетъ найти и свою собственную вину въ событіяхъ. Мы не ищемъ «обвиненія»; но мы не можемъ замалчивать правду, ибо правда необходима сейчасъ Россіи, какъ свѣтъ и воздухъ . . .

Зоркій и честный діагнозъ есть первая основа лѣченія. Но этотъ діагнозъ долженъ быть не клеймящій, а объясняющій. И тѣ, кто нынѣ особенно склонны къ клейму и злопыхательству, пусть помнятъ, во-первыхъ, что они сами пребываютъ на скамьѣ подсудимыхъ; во-вторыхъ, что умственные и духовныя теченія слагаются медленно и бываютъ устойчивы, какъ психозъ, такъ, что не подчиняться имъ и плыть противъ теченія могутъ только исключительно сильныя натуры; и въ-третьихъ, что нынѣ намъ данъ новый историческій опытъ, котораго не имѣли наши отцы. Отвергать людей надо не за ихъ прошлыя неудачи или заблужденія, а за ихъ нынѣшнее злостное нежеланіе прозрѣть . . .

Я говорю совсѣмъ не объ «отцахъ» и «дѣтяхъ». И передъ революціей были мудрые и сильные отцы; они имѣются у насъ и теперь. — это нашъ кладязь государственнаго опыта, залогъ и гарантія того, что мы идемъ по вѣрному пути. А молодежь и передъ революціей воила, что она «понимаетъ все лучше отцовъ»; и вотъ—довоилась... Только ослѣпленные и одержимые не мудрѣютъ съ годами; только генію дается сразу, отъ молодыхъ ногтей, семь пядей во лбу. И всегда такъ было, и всегда такъ будетъ, что юная самоувѣренность чревата бѣдою.

Итакъ, я говорю совсѣмъ не объ «отцахъ» и «дѣтяхъ» . . . —

Да, одна изъ причинъ революціи — въ настроеніи ума и въ направленіи воли русской интеллигенціи. Вся бѣда въ томъ, что русская интеллигенція невѣрно поняла свое предназначеніе и свою задачу въ жизни Россіи, и потому не нашла своего органическаго мѣста и не дѣлала своего органическаго дѣла въ странѣ. Мы говоримъ не о служиломъ, военномъ и гражданскомъ кадрѣ, который всегда былъ богатъ сильными и вѣрными людьми, а о партійныхъ (лѣвыхъ и правыхъ) «политикахъ» и о заражавшейся отъ нихъ обывательской массѣ. Эта интеллигенція дѣлала обратное своему призванію и не только не строила здоровый духъ русской государственности, но вкладывала свои усилія и свой паѳосъ въ его разложеніе. Отсюда ея органическое безсиліе въ часъ испытанія и бѣды, ея растерянность, ея пораженіе и крушеніе.

Въ часъ испытанія и бѣды, въ часъ изнеможенія, унынія и соблазна масса простого русскаго народа пошла не за русской интеллигенціей, а за международной полунинтеллигенціей: пошла не спасать Россію, а губить ее; пошла не къ національно-государственной цѣли, а къ частному обогащенію; измѣнила русской и православной идеѣ и предалась нелѣпой и кощунственной химерѣ. Это есть историческій фактъ, котораго нельзя вытравить изъ исторіи Россіи, но который наше поколѣніе обязано осмыслить до конца; осмыслить и сдѣлать изъ него волевые выводы для будущаго . . .

Этотъ неоспоримый историческій фактъ есть самъ по себѣ приговоръ. Совсѣмъ не потому, что простой народъ будто бы «всегда и во всемъ правъ», или — что дѣло интеллигенціи только прислушиваться къ его желаніямъ и угождать ему; все это лживыя и льстивыя, растлѣнныя слова, извращающія дѣло въ самомъ корнѣ; но потому, что задача интеллигенціи состоитъ именно въ томъ, чтобы вести свой народъ за національной идеей и къ государственной цѣли; и образованный слой, неспособный къ этому, всегда будетъ исторически приговоренъ и свергнутъ. Но при этомъ интеллигенція не смѣетъ слагать съ себя вину и возлагать ее на простой народъ. Ибо если народъ «темень» — то это не его «вина», это творческая, но еще не разрѣшенная задача

національної інтеллигенції; и если въ народѣ живутъ и вскипаютъ дурныя страсти, то къ облагороженію и направленію ихъ и призванъ національный образованный слой. Воспитатель, жалующійся на своего воспитанника, долженъ начать съ самого себя; да и не русскому интеллигенту, хотя бы въ раздраженіи и растерянности, поносить добрую, терпѣливую и даровитую душу русскаго простаго человѣка...

Если масса простаго русскаго народа пошла не за своимъ національнымъ образованнымъ слоемъ, а за чужеродными, интернаціональными авантюристами, то причину этого русская интеллигенція должна искать прежде всего въ себѣ самой. Это значить, что она не была на высотѣ и не справилась со своею задачей. Пусть лѣвыя и правыя партіи взаимно обвиняютъ теперь другъ друга; пусть они спорятъ о томъ, кто погубилъ больного — экономъ-управитель, заставившій его перенапрягаться въ работѣ при дурномъ питаніи, или недоучка-фельдшеръ, отравлявшій его ядами и заражавшій его бактеріями. Намъ, ищущимъ правды и вѣрныхъ рѣшеній для будущаго, надо установить, что обѣ стороны шли по ложнымъ путямъ, обѣ вели къ гибели; и что впредь необходимо дѣлать обратное въ обоихъ отношеніяхъ.

Русская интеллигенція не справилась со своею задачей и довела дѣло до революціи потому, что она была безпочвенна и лишена государственнаго смысла и воли.

Эта безпочвенность была одновременно и соціальною, и духовною: интеллигенція не имѣла здоровыхъ и глубокихъ корней въ русской народной толщѣ, но она не имѣла ихъ потому, что ей нечего было сказать русскому простонародью, такого, что могло бы зажечь его сердце, увлечь его волю, озарить и покорить его разумъ. Русская интеллигенція въ своей основной массѣ была религіозно мертва, національно-патріотически холодна и государственно безыдейна. Ея «просвѣщенный» разумъ, вольтеріански опустошавшійся и матеріалистически отравлявшійся въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, тянулъ къ отвлеченному доктринерству и отвращался отъ религіи: онъ разучился видѣть Бога, онъ не умѣлъ находить Божественное въ мірѣ и именно потому онъ пересталъ видѣть Божественное въ своей родинѣ, въ Россіи. Россія стала для русской интеллигенціи нагро-

можденіемъ случайностей, народовъ и войнъ; она перестала быть для нея историческою національною молитвою, или живымъ домомъ Божиимъ. Отсюда это угасаніе національнаго самочувствія, эта патріотическая холодность, это извращеніе и оскудѣніе государственнаго чувства и всѣ связанныя съ этимъ послѣдствія — интернаціонализмъ, социализмъ, революціонность и пораженчество. Русская интеллигенція перестала вѣрить въ Россію; она перестала видѣть Россію въ Божіемъ лучѣ, Россію, мученически выстрадававшую свою духовную самобытность; она перестала слышать священные глаголы Россіи, ея священное пѣніе въ вѣкахъ. Россія перестала быть для нея религіозною проблемою, религіозно-волевымъ заданіемъ. Кого же она могла воспитывать и куда она могла вести? Утративъ вѣру и Бога, она утратила священный смыслъ своей родины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самую родину въ ея истинномъ и великомъ значеніи; отъ этого ея государственное разумѣніе стало пустымъ, плоскимъ и безъидейнымъ. Она утратила религіозный смыслъ государственнаго строительства и тѣмъ въ корнѣ извратила свое правосознаніе. Ея душа стала духовно беспочвенною.

Но именно отсюда возникло ея беспочвенное положеніе въ предѣлахъ ея собственнаго народа.

Отъ Бога и отъ природы русской народъ одаренъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ и могучимъ политическимъ инстинктомъ. Богатства его духовныхъ нѣдръ могутъ сравниться только съ богатствами его виѣшней природы. Но эти духовныя богатства его остаются подспудными, нераскрытыми, какъ бы неподнятою и незасѣянною цѣлиною. На протяженіи вѣковъ Русь творилась и строилась инстинктомъ, во всей его бессознательности, неоформленности и, главное, удобосовратимости. Страсть, незакрѣпленная силою характера, всегда способна всколыхнуться, замутиться, соблазниться и рвануться на ложные пути. И снасти ее только и можетъ, по глубокому слову Патріарха Гермогена. «неподвижное стояніе» въ правдѣ народныхъ вождей.

Русскій народъ, по заряду данныхъ ему страстей и талантовъ и по неукрѣпленности своего характера, всегда нуждался

въ сильныхъ и вѣрныхъ вождяхъ, религіозно почвенныхъ, зоркихъ и авторитетныхъ. Эту особенность свою онъ самъ всегда смутно чужалъ и потому всегда искалъ себѣ сильныхъ вождей, вѣрилъ имъ, обожалъ ихъ и гордился ими. Въ немъ всегда жила потребность найти себѣ опору, предѣль, форму и успокоеніе въ сильной и благой волѣ призваннаго къ власти повелителя. Онъ всегда цѣнилъ сильную и твердую власть; онъ никогда не осуждалъ ее за строгость и требовательность; онъ всегда умѣлъ прощать ей все, если здоровая глубина политическаго инстинкта подсказывала ему, что за этими грозами стоитъ сильная патріотическая воля, что за этими суровыми понужденіями скрывается большая національно-государственная идея, что эти непосильныя подати и сборы вызваны всенародною бѣдою или нуждою. Нѣтъ предѣловъ самопожертвовательности и выносливости русскаго чело-вѣка, если онъ чувствуетъ, что его ведетъ сильная и вдохновенная патріотическая воля; и обратно — онъ никогда не шелъ и никогда не пойдетъ за безволіемъ и нустословіемъ, даже до презрѣнія, до соблазна шарахнуться подъ власть волевого авантюриста.

Русская предреволюціонная интеллигенція не имѣла за душою того, что могло пробудить и повести за собою этотъ здоровый государственный инстинктъ простаго народа. Лишенная въ самой себѣ духовной почвы, она не могла пріобрѣсти и общественно-политической почвы въ массахъ; оторвавшаяся отъ Бога, разучившаяся строить и поддерживать монархическое правосознаніе, примѣнившаяся къ классовымъ интересамъ и утратившая отъ этого національно-государственный смыслъ, — она не имѣла великой національной идеи, способной зажигать сердца, заряжать волю и покорять умы; она не умѣла вѣрно стоять, бодро идти и крѣпко вести; она утратила доступъ къ святылицѣ народной совѣсти и народнаго патріотизма; и, суетясь на «политической» поверхности, она была способна только подрывать вѣру народа въ спасительность монархіи, правопорядка и частной собственности. Передъ революціей у насъ не было интеллигенціи, способной къ волевому воспитанію народа; у насъ были только «обучавшіе учителя», снабжавшіе учениковъ «свѣдѣніями»; и наряду съ этимъ — демагоги слѣва, успѣшно мобилизовавшіе

вокругъ себя чернь для переворота, и демагоги справа, неумѣвшіе сдѣлать даже и этого.

То, что интеллигенція говорила простому народу, будило въ немъ не совѣсть, а безсовѣтность; не патриотическое единеніе, а духъ раздора; не правосознаніе, а духъ произвола; не чувство долга, а чувство жадности. И могло ли быть иначе, когда у интеллигенціи не было религіознаго воспріятія родины, не было національной идеи, не было государственнаго смысла и воли. Ключъ къ глубокому и здоровому инстинкту русскаго простого народа, ключъ къ его живому духу — былъ потерянъ; а доступъ къ его низкимъ, жаднымъ и свирѣпымъ влеченіямъ былъ открытъ и легокъ.

Такъ случилось это, что инстинктъ національнаго самосохраненія изсякъ въ русской интеллигенціи и потому она оказалась неспособною будить инстинктъ національнаго самосохраненія въ русскихъ массахъ и вести ихъ за собою. Русскій образованный слой глоталъ европейскую культуру не провѣряя ея выдумки и «открытія» — ни глубиною религіозной, христіанской совѣсти, ни глубиною національнаго инстинкта самосохраненія. Умственные химеры и противоестественныя утопіи Запада плѣняли его безпочвенную душу, не сдержанную спасительнымъ внутреннимъ упоромъ здороваго инстинкта, этого великаго учителя въ вопросахъ жизненнаго реализма и политической цѣлесообразности; а слѣпое довѣріе къ разуму и освободившійся въ безрелигіозной дунгѣ запасъ фанатизма — превращали эти утопіи и химеры въ какое-то противоестественное и безбожное «евангеліе» для массы. И весь этотъ блудъ и бредъ нуждался только въ волѣ, чтобы возникла волевая одержимость большевицкой революціи.

Въ такомъ состояніи русская интеллигенція не могла вести русское дѣло, не могла строить Россію.

Потерявъ живое отношеніе къ Богу, она исказила свое пониманіе христіанства, сведя все къ животной сентиментальности, къ социализму и отрицанію національнаго начала. Этимъ она потеряла органъ для русскаго дѣла, ибо русское дѣло есть сразу дѣло религіозное, націо-

нальное и государственное; и тотъ, кто упускаетъ хотя бы одну изъ этихъ сторонъ, тотъ упускаетъ все сразу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя разуму, материализму и западнымъ теоріямъ, она извратила свое пониманіе чело вѣ ч е с к о й природы и народной жизни. Она какъ бы ослѣпла и оглохла для того, что говорить голосъ инстинкта, голосъ органической цѣлесообразности, голосъ духа, голосъ личности, голосъ національности. Все распалось для нея на механическія составныя части и на механическіе законы. Тайна живого, органическаго единенія и творчества ушла отъ нея, стала ей недоступна: народъ распался для нея на своекорыстные «атомы» и «классы», на «угнетателей» и «угнетенныхъ»; и смыслъ великой, національной, органической и духовной совокупности, строившей себя въ вѣкахъ и именуемой Россіей — сталъ для нея мертвымъ звукомъ...

Такъ случилось это, что русская интеллигенція инстинктомъ и разумѣніемъ своимъ отдѣлилась отъ русскаго простаго народа и сознательно противопоставила себя ему. Она перестала чувствовать его — своимъ народомъ, а себя — его интеллигенціей. Она перестала ощущать свое единое съ нимъ національное мы: она разучилась видѣть въ себѣ національно-волевой органъ единаго русскаго народа, призванный воспитывать и обязанный вести; она сама себя измѣрила и оцѣнила плоскимъ мѣриломъ социалистической морали и, измѣривъ, осудила; она увѣровала въ физическій трудъ и потеряла вѣру въ святыню духовнаго творчества; и, почувствовавъ свою мнимую «вину» передъ простымъ народомъ, пошла «вѣщать» ему трупную «мудрость» безбожія и социализма. Она понесла ему начала духовнаго тлѣна и разложенія, религію раздора и мести, химеру равенства и социализма. И весь этотъ бредъ и блудъ ждалъ только сильной воли для того, чтобы большевицкая революція завладѣла страной...

Сущность русской революціи состоитъ въ томъ, что русская интеллигенція выдала свой народъ на духовное растлѣніе, а народъ выдалъ свою интеллигенцію на поруганіе и растерзаніе. И конецъ революціи придетъ тогда, когда русская интеллигенція и русскій народъ возродятъ въ себѣ вѣрную глуп-

бину религіозно-національнаго инстинкта и возсоединятся: когда интеллигенція докажетъ, что она не только не измѣнила волю національной идеѣ, но что она умѣетъ умирать за нее и за національную власть; а народъ убѣдится въ томъ, что интеллигенція необходима ему именно какъ носительница національной идеи, какъ строительница здоровой и великой національной государственности.

Видимъ и вѣримъ, что часъ этотъ близится. Вѣримъ и знаемъ, что кончены духовныя блужданія русской интеллигенціи; что ей предстоятъ впереди волевыя свершенія и духовныя достиженія: ибо великій народъ великъ прежде всего въ своихъ вождяхъ и творцахъ. Въ беззавѣтной любви къ національной Россіи найдутъ другъ друга русскіе люди; по этой любви они узнаютъ другъ друга и возстановятъ свое довѣріе и единство...

Редакторъ.
